

«оправдательныхъ документовъ» его смѣху не испугало бы его, потому что относящійся сознательно и этически къ своей дѣятельности писатель-сатирикъ на это требованіе можетъ лишь отвѣтить такъ: «Я ни кого не бью по щекамъ, моя рѣзкость имѣетъ въ виду не личности, а извѣстную совокупность явленій, въ которой и сидитъ источникъ даннаго зла, угнетающаго человѣчество. Читатель, очевидно, понимаетъ это, и, вслѣдствіе этого, мирится со мною даже тогда, когда я, повидимому, обличаю его самого. Онъ инстинктивно чувствуетъ, что я совсѣмъ не обличитель, а адвокатъ, что я вижу въ немъ жертву общественнаго темперамента, необходимую мнѣ совсѣмъ не для потасовки, а только въ качествѣ иллюстраціи этого послѣдняго» (Щедринъ, «Круглый годъ», стр. 122). *)

Узнавъ поздно силу и значеніе смѣха, Гоголь, естественно, пришелъ къ сознанию необходимости уяснить себѣ самый актъ своего непосредственнаго творчества, бывшаго до того времени безсознательнымъ, слѣпымъ, почти стихійнымъ... *Такъ* приноситъ пользу онъ уже не хочетъ, ибо узналъ уже откуда-то, что «писатель творитъ свое твореніе *въ поученіе* людей», что именно «такъ опредѣляютъ писателей и поэтовъ эстетики какъ нынѣшняго времени, такъ и прежнихъ временъ (814); для того же, чтобы принести эту пользу «сознательно», онъ чувствуетъ ясно, какъ мало сдѣлалъ еще для себя самого, для своего этического развитія, подступивъ къ которому онъ неизбѣжно наталкивался на все жившее въ немъ «*въ непосредственномъ*», а

*) Не можемъ, кстати, не указать при этой ссылкѣ на то, какъ приведенными словами хорошо отъбъивается различіе субъективной и объективной дѣятельности писателя съ одной стороны, а съ другой,—какъ они, въ то же время, служатъ какъ бы освѣщеніемъ Толстовскому «непротивленію злу», понимаемому въ его субъективномъ (въ частной жизни) и объективномъ (въ общественной дѣятельности) смыслѣ.